

Грозный отвечал: «И женского обычая непригожих речей что слушати, где было тебе нам бити челом, и наше добро на веки памятовати. И ты женского для слова наше добро в недружбу ставиши казаков наших в нуже держиши и недружбами похваляешься».¹ Одновременно с этим письмом Грозный послал письмо Шигалею в Касимов: «Писали к нам Исмаил мирза, и Касей мирза и Юнус мирза. Сказали дей Юсуфу князю, будто ты, брат наш, по нашему слову Сююнбек царицу казнил, носа ей срезал и, поругание великое учиня, убил ее до смерти. И того для Юсуф князь на нас гневается, послов и гостей к нам не посылает. А наши казаки, Бахтеяр Баимаков с товарищи, нам сказывали тоже, будто сказали Юсуфу князю, что дочь ево казнена. И как Юнус мирзин Зиеналей и Вахтыгиллей к тебе приедут, и тыб ему велел быти у себя, да и у царицы бы еси у своей, у Сююнбек, велел им быти, чтобы они ее видели... А будет Сююнбек царице пригоже от себя к отцу и к матери своей послати грамоты о своем здоровьи известити; и ты бы ей велел послати грамоты, каковым пригоже быти, да и поминок что пригоже. А каковы грамоты Сююнбек царица к Юсуфу князю к матери пошлет и ты бы, брат наш, с тех грамот списки к нам прислал».²

Письмо это раскрывает нам отношения, установившиеся между Иваном Грозным, Шигалеем и Сумбекой.

Небезынтересно отметить, что слухи о судьбе Сумбеки, распространившиеся во враждебной московскому правительству среде, совпадают с последними сведениями автора «Казанской истории» о жизни Сумбеки.

Какие же выводы можно сделать, сравнивая образ Сумбеки, созданный автором «Казанской истории», и исторический образ ее, каким он представляется на основе документальных свидетельств эпохи?

Во-первых, автор «Казанской истории» в своем произведении охватывает только часть биографии Сумбеки — период с 1546 до 1551 года. Это наиболее блистательная пора ее жизни, годы, когда она считалась «первой», «любимой» женой Сафа-Гирея, и время ее регентства. Годы с 1532 по 1546 не нашли отражения в повести. Это время замужества Сумбеки за Джан-Алием, который не любил ее, время пребывания в «полоне» и «в соромоте» у Сафа-Гирея. Годы после 1551 нашли лишь глухой отклик.

Во-вторых, автор, показывая Сумбеку после смерти Сафа-Гирея, не раскрыл нам той роли, которую она действительно тогда играла в борьбе за власть. Связь ее с Кошкаком уланом объяснена не как политический шаг, вызванный необходимостью найти опору во враждебном лагере, а как внезапно вспыхнувшая любовь. Действительный смысл этого поступка Сумбеки был разгадан в Москве. Грозный писал в письме Юсуфу: «И как Сафакирей царь умер, и дочь твоя содиначась с крымцы и с казанцы многие нам грубости делали; и мы за те грубости сами х Казани ходили, а рати свои многие посылали».³

В-третьих, изгнание Сумбеки из Казани мотивировано автором личной обидой на нее Шигалея. Не показано, что на самом деле выдача Сумбеки с сыном была предложена казанцами, которые хотели отмежеваться от тех, кто участвовал в борьбе против московского правительства. Шигалей никакого участия в этом обращении в Москву не принимал, так как сам был в это время в Свияжске в качестве претендента на престол и приехал в Казань через два дня после отъезда Сумбеки.

¹ ПДРВ, IX, стр. 129.

² ПДРВ, IX, стр. 147.

³ ПДРВ IX, стр. 128.